

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 101.1:141
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-270-277>

Поступила в редакцию 14.02.2020
Received 14.02.2020

И. К. Ставровский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СТИЛЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Рассматриваются недостатки принятого в аналитической философии стиля, в основе которого лежит стремление придать тексту наукообразный вид. Прослеживается генеалогия этого стиля. Особое внимание уделено идеям Г. В. Лейбница, который первым хотел свести решение философских проблем к формальным процедурам. Показывается, как схожие идеалы повлияли на представления ранних аналитических философов, а затем и на более поздних представителей традиции. Рассматриваются проблемы, связанные с негласным требованием аналитической философии выражать мысли с помощью наукообразного языка. Указывается на то, что работы континентальных философов зачастую отвергаются лишь на основании стилистического несоответствия, что позволяет просто игнорировать тезисы и аргументы оппонента. Предполагается, что отказ от подобного отношения к стилю поможет преодолеть разрыв между традициями, что приведет к взаимному обогащению.

Ключевые слова: аналитическая философия, стиль философии, язык философии, наукообразность, формализация в философии

Для цитирования: Ставровский, И. К. Негативные аспекты стиля аналитической философии / И. К. Ставровский // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 270–277. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-270-277>

Igor K. Stavrovsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

STYLE OF ANALYTIC PHILOSOPHY: NEGATIVE ASPECTS

Abstract. The article discusses the shortcomings of the style adopted by analytic philosophy. This style is designed to give a science-like look to the text. The article begins with the origins of the style. Particular attention is paid to G.W. Leibniz who first aimed to reduce the solution of philosophical problems to formal procedures. Later similar ideals influenced analytic philosophers. After that, the article deals with the problems associated with the tacit demand of analytic philosophy to express thoughts using the science-like language. At the same time, the works of the continental philosophers are rejected only on the basis of a stylistic discrepancy. It makes possible to simply ignore opponent's theses and arguments. The article claims that it's possible to bridge the gap between two philosophical traditions by refraining of such attitude towards this style. It would enrich both analytic and continental traditions.

Keywords: analytic philosophy, style of philosophy, language of philosophy, science-likeness, formalization in philosophy

For citation: Stavrovsky I. K. Style of analytic philosophy: negative aspects. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 270–277 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-270-277>

Философские тексты, написанные в рамках аналитической традиции, как правило, подчиняются определенному стилистическому стандарту, который был задан еще в работах М. Шлика, Р. Карнапа, О. Нейтрата Л. Витгенштейна, Дж. Э. Мура, Б. Рассела и ряда других представителей аналитической философии. И хотя многие современные авторы отошли от проблематики ранних представителей традиции, заданный тогда стиль написания текстов сохраняется до сих пор.

Работы аналитических философов пишутся в наукообразной манере, часто используются элементы формализации. Метафоры и образность считаются крайне нежелательными, а недостаточная строгость и однозначность вовсе могут стать поводом отвергнуть текст как бессмысленный набор слов. Как считалось ранее, наукообразный стиль сможет не только избавить философию от спекуляций, но и упростит оценку чужих работ. Сейчас требование использовать этот стиль не проговаривается прямо, но негласно оно продолжает господствовать в аналитической

философии. Вместе с тем есть основания считать, что наукообразный стиль не только не гарантирует качество работы, но также может ограничивать философа.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить негативные аспекты использования философского языка, принятого в аналитической традиции. Обратимся к истории, чтобы лучше понять его специфику, а также проблемы, связанные с его использованием.

Одним из первых, кто связал возможность разрешения философских проблем с помощью создания нового строгого наукообразного языка, был Г. В. Лейбниц. Его идеи имеют особое значение для аналитической традиции. Во многом это связано с тем, что Лейбниц повлиял на развитие логики. Например, Дж. Буль и В. С. Джевонс знали о работах Лейбница и давали им высокую оценку. В целом, развитие логики в тот период было пронизано «лейбницианским духом» [18]. Достижения логики того периода стали важным стимулом для появления аналитической философии. Уже этот факт позволяет говорить, как минимум, о косвенном влиянии идей Лейбница на эту философскую традицию. Однако значение его работ этим не ограничивается. Можно привести два примера гораздо более глубокого влияния Лейбница на ранних аналитических философов.

В первую очередь упомянем Г. Фреге, который считал, что проект философского исчисления был слишком амбициозным для того, чтобы его можно было разработать в одиночку. Однако сама идея создания универсального метода решения философских споров казалась крайне перспективной. Фреге надеялся сделать первый шаг в этом направлении, разрабатывая формальный язык по образцу химии и математики [18].

Рассел и вовсе написал целую книгу о Лейбнице в 1900 г. Для нас особенно важно, что в этой работе упоминается универсальная характеристика [19, с. 169 – 171]. Это доказывает, что уже тогда Рассел знал о лейбницианской идее формализации философии, хотя и высказал ряд критических замечаний, которые будут рассмотрены ниже. Вместе с тем работа «Об обозначении» (1905 г.) [10], где Рассел использует формализацию для решения философской проблемы, может рассматриваться как очень близкая к проекту Лейбница по духу.

Итак, поскольку есть основания утверждать, что Лейбниц оказал влияние на аналитическую философию, то имеет смысл рассмотреть его идеи подробнее.

Проект Лейбница по формализации философии не имеет одного общего названия. С равным успехом можно говорить об универсальной науке, всеобщей науке, универсальной характеристике, исчислении рассуждений, философском исчислении [7]. Некоторые из этих понятий использовались самим Лейбницем, а другие были введены гораздо позднее издателями для того, чтобы дать название ряду безымянных работ. Для избежания путаницы, мы будем называть все работы по этой теме философским исчислением, поскольку оно лучше всего подчеркивает, что речь идет именно о формализации философии, а не о формализации вообще. Мы не утверждаем, что вся философия Лейбница сводится к философскому исчислению. Напротив, это название относится к относительно небольшой части работ со схожей проблематикой.

Другое важное замечание: хотя Лейбниц признавал, что у него были предшественники [7, с. 412 – 418], однако именно ему удалось четко и последовательно сформулировать саму проблему и описать приблизительную схему решения. В первую очередь Лейбниц подчеркивал несовершенство обыденного языка, который полон синонимов [7, с. 502], а многие слова темны и неясны [7, с. 493]. В противовес Лейбниц хотел разработать единый универсальный язык и одновременно с этим особое философское исчисление имен по образцу арифметики, где каждому имени соответствует некое число. По его мнению, это позволило бы добиться максимально возможной однозначности в выражении мыслей, устраняя тем самым недопонимание и ошибки, связанные с несовершенством языка.

Кроме того, для увеличения точности и ясности выражения Лейбниц предлагал представлять размышления в геометрической форме [7, с. 455], т. е. излагать философские теории так же, как математики излагали математические теории. Сама по себе эта идея не была новой, ведь подобный способ изложения уже использовался, например, Декартом и Спинозой. Однако для них он оставался именно стилем изложения, а не методом доказательства. На этом факте акцентирует внимание В. Н. Половцева, указывая на некорректный перевод названия работы Спинозы

«Ethica, ordine geometrico demonstrata» как «Этика, доказанная в геометрическом порядке». Она настаивает на том, что речь идет о «геометрическом методе изложения». Спиноза прямо указывал на это в письмах. Кроме того, «в своем сочинении “Principia philosophiae Cartesianae” Спиноза употребляет геометрический способ для изложения далеко не всегда истинных, с его точки зрения, мыслей Декарта» [9, с. 40]. По его мнению, такой метод никак не увеличивал состоятельность той или иной теории.

Декарт также говорил именно о методе изложения и рассматривал его как «снисхождение к умственной слабости читателя, причем само содержание по существу не зависит от того или другого способа его изложения» [9, с. 42]. Даже беглое знакомство с работами Декарта показывает, что он использовал разные способы изложения своих взглядов, не останавливаясь на каком-то определенном, в том числе и в рамках одной работы. Так, например, «Размышления о первой философии» изложены обычным языком, в то время как ответы на возражения оформлены в более геометрическом стиле [3].

Геометрический метод Лейбница должен был не просто упростить восприятие, но также сделать очевидным ход рассуждения, связь тезисов и аргументов. По задумке автора, прояснение базовых понятий и правил вывода должно было превратить доказательство теории в формальную процедуру. Лейбниц описывал свою концепцию так: «Когда возникали бы споры, нужда в дискуссии между двумя философами была бы не больше, чем между двумя вычислителями. Ибо достаточно было бы им взять в руки перья, сесть за свои счетные доски и сказать друг другу (как бы дружески приглашая): *давайте посчитаем!*» [5, с. 497]. Хотя доказательство должно было осуществляться человеком, однако оно становилось абсолютно автоматизированной процедурой, предполагающей использование строгого алгоритма. Именно такой подход Лейбниц считал путем к решению, как кажется, бесконечных философских споров.

Но несмотря на определенную привлекательность идеи формализации философии, проект Лейбница вызывал сомнения даже среди популяризаторов его творчества. Например, А. Тренделенбург подчеркивал утопический характер проекта, хотя и признавал его пользу как инструмента для изложения результатов [18]. Но это ближе к геометрическому методу Декарта и Спинозы, нежели чем к философскому исчислению Лейбница.

Рассел, как было сказано ранее, также сомневался в пользе формализации как метода решения философских проблем. Говоря об идеях Лейбница, он прямо указывал, что акцент на правилах вывода, а не на посылках прямо противоположен методу философии, где под вопрос ставятся в первую очередь посылки [19, с. 170 – 171]. Рассел признавал, что классическая философия полна ошибок из-за «плохой грамматики», которую можно преодолеть, выявив действительную форму предложения и изучая природу реальности. Философия должна была стать неотделимой от науки. Однако Рассел не считал, что в философии возможен универсальный метод доказательства или, тем более, обнаружения плодотворных гипотез. Напротив, здесь нужно проявить свою изобретательность [13, с. 161 – 162].

Что касается Фреге, то его проект сам оказался слишком амбициозным и не имел дальнейшего развития [18]. Исчисление, используемое в его работах, не получило распространения, поэтому первый шаг на пути к реализации лейбницианского проекта оказался последним.

Впрочем, усилия в данном направлении вдохновили ряд мыслителей создать новый подход к философии. Речь идет в первую очередь о логическом позитивизме, где роль философии сводится к определению значения предложений, т. е. того, что они означают на самом деле. Знание становится знанием в силу своей формы, через которую оно репрезентирует познанный наукой факт [17, с. 30 – 31]. Классические философские проблемы, как отмечал Витгенштейн, «основываются на непонимании логики нашего языка» [2, с. 3], поэтому будут устранены в тот самый момент, когда мы достигнем прозрачности в выражении мыслей. Для логического позитивизма осмысленное тождественно верифицируемому, т. е. ответить на вопрос о смысле x можно через определение условий истинности и ложности x при проверке опытным путем. Если верификация x невозможна, то вопрос о его значении лишен смысла, и мы имеем дело с мнимым предложением. Ожидалось, что в логически правильно построенном языке подобные предложения невозможны [4]. Благодаря этому можно было бы сформулировать условия проверки истинно-

сти или ложности предложения в опыте. Если в теории имеются неverifiedицируемые высказывания, которые при этом невозможно исключить без нарушения целостности рассуждения, то она принципиально недоказуема. Однако подобной проблемы не возникает, когда теория состоит только из содержательных дескриптивных высказываний. Поскольку же большая часть естественного языка может быть формализована в рамках логики первого порядка, с привлечением при необходимости более сложных теорий, то возможно создание нормативной процедуры оценки истинности как отдельных высказываний, так и целых теорий в рамках заданной системы аксиом. В идеале мы должны были получить универсальный строгий язык, где бессмысленные высказывания невозможны, а для осмысленных легко найти способ проверки.

Желание решить эти задачи породило особый стиль текстов. Статья Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» [4] дает наглядную иллюстрацию. Стилистически текст статьи напоминает научную работу, многие формулировки имитируют способ изложения, используемый в математике и логике. Приведем пример: «пусть “ a ” есть некоторое слово и $S(a)$ – элементарное предложение, в которое оно входит» [4]. Большая часть предложений статьи не выглядит подобным образом, однако впечатление о наукообразности сохраняется во всем тексте. Другая особенность статьи Карнапа – это внимание к используемому языку. Базовым понятиям дается дефиниция. Само по себе это не является новшеством аналитической философии, но здесь прояснение понятий приобретает новое значение. Дефиниция подготавливает каждое слово к сравнению с эмпирическим опытом, поэтому «значение слова определяется его критерием» [4]. Если слово не получает однозначного определения, и не отсылает к какому-либо гипотетическому опыту, то оно объявляется бессмысленным и должно быть устранено из речи. Для самого Карнапа подобный способ писать тексты имел большое значение, поскольку, по сути, и являлся примером логического анализа, направленного на преодоление метафизики. Как ожидалось, новый строгий стиль станет универсальным языком науки, который избавит ее от бессмыслицы. Реальные проблемы должны были стать легко разрешимыми, а все прочее следовало отбросить как псевдопроблемы.

Однако со временем логический позитивизм Венского кружка стал терять свою популярность. Если в конце XIX – начале XX века был актуален спор о том, может ли в логике быть множество различных исчислений (Пирс, Лукасевич) или же в итоге мы должны получить одно единственное исчисление (Фреге, Лесьневский) [1, с. 35–37], то уже к 1930-м гг. он оказался решенным в пользу сторонников первого подхода [16, с. 52]. Так, была доказана принципиальная невозможность создания универсального научного языка. Но это вовсе не значит, что сторонники логического плюрализма выступали против языковой строгости логического позитивизма. В этом отношении риторика Я. Лукасевича едва ли заметно отличалась от того, что говорил Шлик или Карнап. Например, в статье «О методе в философии» Лукасевич описывает необходимую для философии реформу следующим образом: «Логика, созданная математиками, устанавливая новую меру научной точности, намного превзошла все до сих пор существующие меры точности, она открыла нам глаза на мизерность философской спекуляции. Поэтому, как во времена Канта, возникает потребность реформы философии. Но реформы не во имя какого-то туманного «критицизма» и в духе ненаучной «теории познания», но реформы во имя науки и в духе математической логики. Будущая научная философия должна начать свое построение с самого начала, с фундамента. Начать же с фундамента – это значит в первую очередь осуществить пересмотр философских проблем и выбрать среди них только те проблемы, которые можно сформулировать понятно, отбрасывая все другие» [8, с. 264].

Таким образом, представление о новом строгом философском стиле продолжало жить даже после того, как логический позитивизм утратил свою популярность. В этом легко убедиться, обратив внимание на книгу У. В. О. Куайна «С точки зрения логики» (1953 г.) [6]. Стиль этой работы часто выглядит даже более строгим и наукообразным, чем в приведенной выше статье Карнапа. Например: «Говоря, что высказывания являются аналитическими в L_0 , мы объясняем ‘аналитическое-для- L_0 ’, но не ‘аналитическое’ и не ‘аналитическое для’. Мы не начинаем с объяснения идиомы ‘аналитическое для L ’ с переменными S и L , даже если мы ограничиваем L областью искусственных языков» [6, с. 63].

Аналогичный стиль используется в статье Дж. Серла «Что такое интенциональность?» (1979 г.) [12]. Например: «В рамках теории интенциональных состояний нам точно так же нужно различать репрезентативное содержание и психологический модус или стиль, в котором обладают этим репрезентативным содержанием. Символически мы будем представлять это как $S(r)$, где S обозначает психологический модус, а r – репрезентативное содержание» [12, с. 186].

Именно такой стиль философских текстов чаще всего ассоциируется с аналитической традицией. В приведенных примерах мы видим, что, хотя отход от логического позитивизма произошел уже давно, заданные им стилистические стандарты сохранились. Во всех приведенных примерах используются элементы формализации, заимствуемые из логики и математики. И это не случайно, ведь аналитическая философия с самого своего появления связывает себя с идеалами научной строгости. И в первую очередь речь идет о строгости, которая ассоциируется с формализацией по образцу логики и математики. Это не значит, что формализация является необходимой отличительной чертой любого текста в рамках аналитической философии, напротив, во многих работах формальный язык не используется вовсе. Скорее это один из возможных способов имитировать язык науки. Работы, написанные в таком стиле, воспринимаются как более серьезные и качественные. Кажется очевидным, что наукообразный язык заставляет любую концепцию *выглядеть* более солидно, однако вызывает сомнения, что это дает ей реальные преимущества.

Сразу оговоримся, что перечисленные выше проблемы не являются секретом для многих аналитических философов. Еще в 1990-е гг. обращение к прояснению языка и формализации философии в значительной степени потеряли свою привлекательность для самих аналитических философов. Так, наметился переход к поиску иных источников вдохновения для дальнейшего развития философии, вплоть до интереса к восточной мистике [10, с. 463]. Тем не менее неверно было бы считать, что произошел полный отказ от идеалов ранней аналитической философии. Например, Н. Решер, указавший в своей статье на кризис внутри аналитической философии, отделяет ее идеологию от ее *modus operandi*. Однако под последним он подразумевает все знакомые идеалы аналитической философии, выраженные в более мягкой методологической (в противовес доктринальной) форме [10, с. 464]. Это значит, что и идеалы строгости, на которых основывались ранние аналитические философы, все еще сохраняют свое значение для традиции. По этой причине актуальность сохраняет и обсуждение проблем данного стиля.

Рассмотрим некоторые его особенности, чтобы продемонстрировать эти проблемы.

Первая особенность заключается в том, что подобный стиль, как ожидается, упрощает работу с текстом. Однако это преимущество имеет скорее прагматический характер, никак не улучшая ни содержание теории, ни качество ее доказательств. Последнее связано с тем, что доказательство само является объектом изобретения, а не механического применения заданных правил вывода. Задача философа при доказательстве заключается не столько в том, чтобы получить заключение из уже имеющихся посылок, сколько в выявлении последних. Гораздо чаще споры порождает не ход рассуждения того или иного мыслителя, а исходные положения, на которых строится его философия. Как было отмечено выше, это осознавал еще Рассел.

Другая особенность стиля аналитической философии заключается в том, что он позволяет заниматься метафизикой в научном духе, исключая многие некачественные спекуляции. Научная строгость действительно во многих случаях упрощает обнаружение бессмысленных высказываний и ложных умозаключений. Работа с понятиями упрощается, ведь они получают большую однозначность, поэтому использовать бессмысленные понятия становится практически невозможно. Логические ошибки также становятся более наглядными, ведь многообразии (зачастую неоднозначных) отношений, выраженных словами, переводится на более стандартизированный язык. Однако проблема состоит в том, что требования строгости, предъявляемые теории, не являются содержательно нейтральными. Например, указанная выше однозначность употребления понятий предполагает, что их значение с самого начала зафиксировано и, более того, может быть однозначно выражено. В этой ситуации неудивительно стремление некоторых аналитических философов исключить из обсуждения такие понятия, как «бытие», «ничто», «сущность», «сознание» и т. д. Несомненно, избавление от подобных понятий существенно упрощает построение

теории и уменьшает степень ее неоднозначности, однако предпочтительность такого упрощения далеко не очевидна.

Утверждение о том, что нечто является принципиально невыразимым с помощью наукообразного языка, не является бессмысленным. Нет никакой логической необходимости в том, чтобы содержательное высказывание или осмысленное понятие было выразимо в привычном для аналитических философов виде. До тех пор, пока язык используется для изложения эмпирических фактов, наукообразный язык не должен вызывать существенных проблем. Но это не единственный способ описания реальности. В качестве альтернативы можно привести художественное описание мира, которое очевидно не соответствует требованиям наукообразного стиля. Сам язык художественного произведения (особенно поэтический) должен оказывать воздействие на эмоции и чувства читателя. Это неотделимо от произведения, а зачастую является для него решающим. Следовательно, стиль должен считаться частью его содержания.

Изменение стиля художественного произведения приведет к потере способности произведения оказывать прежнее аффективное воздействие на читателя. В противном случае формальное описание художественного произведения ничем не отличалось бы по воздействию от оригинала. Такую возможность можно допустить гипотетически, однако реальные примеры отсутствуют.

Здесь можно возразить, что в философии недопустимо использовать художественный язык, однако это утверждение само требует обоснования. Кроме того, художественный текст используется здесь лишь как пример ограниченности применимости наукообразного стиля, который существенно сокращает число способов выражения, что, как мы видим, может сказываться на содержании. Если же такой язык не справляется с полной передачей содержания художественного произведения, то на каком основании мы можем быть уверены в том, что, к примеру, «Бытие и время» могло бы быть написано в «научном духе» без потери части содержания?

В некоторых случаях может быть важной сама неоднозначность и непроясняемость тех или иных понятий. Если нечто признается неоднозначным по своей природе, то требование однозначного описания приводит к противоречию. Аналогично, предельные понятия могут быть прояснены лишь приблизительным указанием на их смысл, но не через словарное определение. Причем это является самым свойством данных понятий. Поэтому, например, утверждение Хайдеггера о том, что «бытие дефиниторно невыводимо из высших понятий и непредставимо через низшие» [15, с. 4], не только осмысленно, но и вполне состоятельно.

Вместе с тем устранение подобных понятий лишь на основании того, что они не могут быть сведены к строгой дефиниции, обосновывается лишь внутренними требованиями самого стиля, принятого в аналитической традиции. При этом такое требование выдвигается без доказательств, как нечто само собой разумеющееся. За счет этого оно легко может быть использовано как инструмент дискредитации теорий, которые создавались на основе иных идеалов, лишь на основании несоответствия чуждым для них стилистическим стандартам. Сложные и непонятные места критикуемой концепции автоматически превращаются в аргументы против нее. Проще говоря, критикуемая теория оказывается плоха лишь потому, что была построена на других основаниях, нежели позиция, с точки зрения которой ее критикуют. Это не значит, что критика альтернативных концепций недопустима, но она не должна покидать общее поле дискуссии, выдавая себя за универсальное мерило для других теорий, ничем не обосновав свой особый статус.

В то же время наукообразный стиль не всегда является необходимым или даже желательным. Особенно это заметно при использовании логического и математического аппарата. В этом случае исследователь должен быть способен определить, где использование формальных процедур эффективно, а где нет; где оно полезно, а где является украшением или прикрытием слабой теории [1, с. 3]. В последнем случае проблема поиска доказательств подменяется задачей придания работе наукообразности. Тексту искусственно придается видимость строгости, сложности и обоснованности, что может даже усложнять поиск ошибок, ведь для оценки теории нужно понимать специфический язык, на котором она выражена.

Таким образом, хотя наукообразность придает тексту более строгий вид, мы должны помнить, что это не является гарантом качества теории и ее доказательств. Равно как и его отсут-

ствие вовсе не указывает на низкое качество текста или на отсутствие хороших доказательств. Придание большого значения стилю текстов создает языковой шовинизм, исключая из рассмотрения «неправильно выраженные» идеи. Подобный подход был оправдан внутренними целями и идеалами ранних аналитических философов. Однако вместе с крахом проекта логического позитивизма требование использовать его стиль потеряло концептуальное основание. Это вопрос вкуса. Менее серьезное отношение к стилю, который используется в работе, стало бы важным шагом на пути к преодолению разрыва между аналитической и континентальной философией. В результате появились бы возможности наладить диалог двух традиций, сменив идеологическое неприятие взаимным обогащением.

Список использованных источников

1. Васюков, В. Л. *Формальная онтология* / В. Л. Васюков. – М. : ИФ РАН, 2006. – 140 с.
2. Витгенштейн, Л. *Философские работы* : в 2 ч. / Л. Витгенштейн ; [пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева ; вступ. ст. М. С. Козловой]. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.
3. Декарт, Р. *Сочинения* : в 2 т. / Р. Декарт ; [сост., ред. В. В. Соколова ; пер. с лат. и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн и др.]. – М. : Мысль, 1989–1994. – Т. 2. – 1994. – 634 с.
4. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка [Электронный ресурс] / Р. Карнап // Библиотека по философии. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000161/>. – Дата доступа: 23.01.2019.
5. Клини, С. К. *Математическая логика* / С. К. Клини ; пер. с англ. Ю. А. Гастева ; под ред. Г. Е. Минца. – М. : Мир, 1973. – 480 с.
6. Куайн, У. В. О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков = From a logical point of view. 9 logico-philosophical essays / У. В. О. Куайн ; пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева ; под общ. ред. В. А. Суровцева. – М. : Канон+, 2010. – 271 с.
7. Лейбниц, Г. В. *Сочинения* : в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982–1989. – Т. 3 / [ред., сост., авт. вступ. ст., примеч.: Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин]. – 1984. – 734 с. – (Философское наследие ; т. 92).
8. Лукасевич, Я. О методе в философии / Я. Лукасевич ; пер. с пол. Б. Т. Домбровского // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской философской школы / Ин-т философии Рос. акад. наук ; отв. ред. В. Л. Васюков. – СПб., 2006. – Вып. 1. – С. 263–265.
9. Половцева, В. Н. Введение к русскому изданию «Трактата об усовершенствовании интеллекта» / В. Н. Половцева // Старейшее жизнеописание Спинозы: Б. Спиноза «Трактат об очищении интеллекта» / авт.-сост. А. Д. Майданский. – Ростов н/Д, 2007. – С. 32–63.
10. Рассел, Б. Об обозначении / Б. Рассел // Избр. тр. / пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. – Новосибирск, 2009. – С. 18–32.
11. Решер, Н. Взлет и падение аналитической философии / Н. Решер // Аналитическая философия: становление и развитие : антология / общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. – М., 1998. – С. 454–465.
12. Серл, Дж. Что такое интенциональное состояние? / Дж. Серл // Язык, истина, существование : сб. / Том. гос. ун-т ; сост. В. А. Суровцев. – Томск, 2002. – С. 184–203.
13. Страуд, Б. Аналитическая философия и метафизика / Б. Страуд // Аналитическая философия : избр. тексты / сост. А. Ф. Грязнов ; пер. с англ. И. В. Борисовой [и др.]. – М., 1993. – С. 159–174.
14. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Изд. 4-е, испр. – М. : Акад. Проект, 2013. – 448 с.
15. Чень, Ч. Математическая логика и автоматическое доказательство теорем / Ч. Чень, Р. Ли ; пер. с англ.: Г. В. Давыдова [и др.]. – М. : Наука, 1983. – 358 с.
16. Шлик, М. Поворот в философии / М. Шлик // Аналитическая философия : избр. тексты / сост. А. Ф. Грязнов ; пер. с англ. И. В. Борисовой [и др.]. – М., 1993. – С. 28–33.
17. Peckhaus, V. Leibniz's influence on 19th century logic [Electronic resource] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/leibniz-logic-influence>. – Date of access: 23.01.2019.
18. Russell, B. A critical exposition of the philosophy of Leibniz / B. Russell. – Cambridge : The Univ. Press, 1900. – 311 p.

References

1. Vasyukov V. L. *Formal ontology*. Moscow, Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, 2006. 140 p. (in Russian).
2. Wittgenstein L. *Philosophical papers. Part I*. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 612 p. (in Russian).
3. Descartes R. *Selected works. Vol. 2*. Moscow, Mysl` Publ., 1994. 634 p. (in Russian).
4. Carnap R. *The elimination of metaphysics through logical analysis of language. Library of philosophy*. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000161/> (accessed 23.01.2019) (in Russian).
5. Kleene S. C. *Mathematical logic*. New York, John Wiley & Sons, Inc., 1967. 398 p.
6. Quine W. V. *From a logical point of view: 9 logico-philosophical essays*. Cambridge, Harvard University Press, 1953. 184 p.

7. Leibniz G. W. *Selected works. Vol. 3*. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 734 p. (in Russian).
8. Łukasiewicz J. On method in philosophy. *Issledovaniya analiticheskogo naslediya Lvovsko-varshavskoj filosofskoj shkoly* [Studies on the analytical heritage of the Lviv-Warsaw School of Philosophy]. St. Petersburg, 2006, iss. 2, pp. 263–265 (in Russian).
9. Polovtseva V. N. Introduction to the Russian edition of the «Treatise on the improvement of the understanding». *Stareishie zhizneopisanie Spinozy: B. Spinoza «Traktat ob ochishchenii intellekta»* [The oldest biography of Spinoza: B. Spinoza «Tractatus de intellectus emendatione»]. Rostov-on-Don, 2007, pp. 32–63 (in Russian).
10. Russell B. On denoting. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Novosibirsk, 2009, pp. 18–32 (in Russian).
11. Resher N. The rise and fall of analytic philosophy. *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie: antologiya* [Analytical philosophy: formation and development: anthology]. Moscow, 1998, pp. 454–465 (in Russian).
12. Searle J. What is an intentional state? *Yazyk, istina, sushchestvovanie: sbornik* [Language, truth, existence: compilation]. Tomsk, 2002, pp. 184–203 (in Russian).
13. Stroud B. Analytic philosophy and metaphysics. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow, 1993, pp. 159–174 (in Russian).
14. Heidegger M. *Sein und Zeit. 17 Aufl.* Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1993 458 S.
15. Chang Ch., Lee R. *Symbolic logic and mechanical theorem proving*. New York, Academic Press, 1973. 331 p.
16. Schlick M. The turning point in philosophy. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytic philosophy: selected texts]. Moscow, 1993, pp. 28–33 (in Russian).
17. Peckhaus V. Leibniz's influence on 19th century logic. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/leibniz-logic-influence/> (accessed 23.01.2019).
18. Russell B. *A critical exposition of the philosophy of Leibniz*. Cambridge, The University Press, 1900. 311 p.

Информация об авторе

Ставроцкий Игорь Константинович – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tutoriks@gmail.com

Information about the author

Igor K. Stavrovsky – Postgraduate Student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tutoriks@gmail.com